

Яна Дубинянская

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ



Яна Дубинянская

Глобальное потепление

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Дубинянская Я.

Глобальное потепление / Я. Дубинянская —
"Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

2043 год. Уже давно напряженные отношения между «этой страной» и «нашей страной» (что за страны — не загадка) достигают точки кипения. В результате глобального потепления эта страна отказалась от сырьевой экономики, зато побережье Северного Ледовитого (ныне Безледного) океана превратилось в туристический рай с центром в лагере на Соловках. А вот жизнь в нашей стране, и раньше нелегкая, стала и вовсе экстремальной. Одна надежда — на таинственную капсулу, гарантирующую всеобщее счастье и процветание. Но капсула интересует и правительство этой страны... На таком драматическом фоне разворачивается роман журналистки из нашей страны Юлии Чопик и писателя из этой страны Дмитрия Ливанова. Сумеют ли они понять друг друга лучше, чем их страны?

© Дубинянская Я.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Часть первая	5
1. Наша страна	5
2. Эта страна	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Яна Дубинянская

Глобальное потепление

Часть первая

1. Наша страна

Свадьбу гуляли на корабле.

Кораблик был симпатичный, где надо комфортабельный, где не надо – виртуальный для красоты. Сквозь кружевные паруса просвечивало небо, снасти расчерчивали его в клеточку, а самый кончик мачты с национальным флагом слегка плыл на границе кондишенного купола, не рассчитали. По верхней палубе прогуливались гости, сплошное публичное гламурье, не вылезающее с Острова и телеэкранов. Андрей отснял корабль во всех ракурсах, набрал крупных планов особенно узнаваемых випов, и Юлька уже успела отсмотреть: ничего так, сойдет на перебивки. И вообще все отлично, если б не отсутствие до сих пор собственно сладкой парочки, олигарха с его моделькой. По релизу их ждали уже полтора часа назад. Блин.

Было прохладно, все-таки Остров, расслабься и получай удовольствие. Андрей, собственно, так и делал. Для прессы приготовили отдельный фуршет на нижней палубе, рассчитанный на после-церемонии, но пресса, понятное дело, прорвалась и фуршетила вовсю: у всех график, у всех он летит, какое там после. А на обратном пути, между прочим, снимать цены на фрукты, блицы по креативной сиесте и синхрон банкира Старкова по дружбе для Дашки. По-любому, Андрюху надо выдергивать. Юлька сунула в карман кондишен – давно пора, на Острове ходить с кондишеном стремно, сразу видно материк – и двинулась на приступ.

– Юлька! – жизнерадостно заорал оператор, как будто увидел ее впервые за пару месяцев. – Давай сюда! Чего тебе налить?

– Сволочь, – отозвалась она. – У нас четыре съемки сегодня. Если картинка хоть где-то задрожит, я тебя уволю, зуб на холодец.

– Врешь, не уволишь, ты же меня любишь. Водки?

– Я тебя люблю, но шеф предупреждал еще в прошлый раз. Чем ты будешь кормить семью? Уйдешь в дайверы?

– Какая ты скучная, Чопик. Водки?

Та-та-та-там, зазвонила мобилка рингтоном первого мужа. Первый муж был смешной, Юлька его нежно любила, но звонил он обычно очень не вовремя и обычно с неразрешимыми проблемами, так что у нее выработался гавкательный рефлекс на эту музыку:

– Я на работе. Чего тебе?

– Ты всегда на работе. Когда мы вообще можем спокойно поговорить?

– Что-то с детьми или просто так?

– Просто так я давно тебя не трогаю. У Славика опять проблемы в школе, если тебя это, конечно, волнует. В тот раз, когда ему задали...

– Слушай, солнце, давай быстрее, а? У меня съемка.

– У тебя всегда съемка. Костику надо взять справку в лагерь на Соловки, я тебе говорил позавчера, ты забыла?

– Так возьми.

– То есть опять я должен все делать сам, стоять в очередях и унижаться. Понятно. Хорошо, никто уже никуда не едет. Не знаю, как я объясню это сыну, который точно знает, что тебе стоит только позвонить, и эта несчастная справка...

– Я позвоню, позвоню. Все?

– Не все. Мы с тобой должны были еще на прошлой неделе переоформить квартирный вклад. Не знаю, отслеживаешь ли ты уровень инфляции...

– Переоформим, пока. Он мне будет рассказывать про уровень инфляции, – давась смехом, сообщила Юлька Андрею и, поскольку тот не проникся, расхохоталась сама. – Он мне, представляешь?

– Водки?

С нижней палубы море казалось не таким синим, отсвечивая прозеленью. Юлька сунула в рот антарктическую клубничку, объеденье, потом еще одну, потом щупальце местного спрута и гигантскую креветку, нанизанные на шпажку, а вторую увел прямо из-под носа какой-то волосатый фотограф. Столы были уже совершенно разоренные, словно город, отданный на разграбление голодной армии. Обслуга свадебного корабля, вся в синих с золотом мундирах, застегнутых доверху – Остров, прохладно! – заметно нервничала: начинались накладки. Дальше они будут громоздиться одна на другую, беспечно констатировала Юлька. Вот и замечательно, только б Андрей оказался в состоянии заснуть.

Позвонил Иннокентий. Насчет бабла на фильм имелись конкретные подвижки, на неделе уже точно почти! На радостях Юлька бросилась обниматься с Андреем, тот расплескал водку и опрокинул вазочку с соусом, заляпав мундир убиравшего со стола официанта. С этого и началось.

– Извините, – кротко сказал Андрей, и Юлька с тревогой поняла, что он набрался куда основательнее, чем ей казалось. – Я сейчас... вот увидите... сейчас, да. Хотите, я вам... Я вашему кораблику рекламу сделаю – во! Сейчас панораму сниму! С мачты!!!

– Андрей, – она предупредительно ступила вперед, но не успела.

Отодвинув с дороги Юльку, официанта и всех, кто по недосмотру оказался на его пути, набирая скорость, как разгоняющаяся торпеда, он вырвался на верхнюю палубу, распугал гостей и ловко полез вверх по мачте. Портативная и дорогушая камера раскачивалась у него за плечом, цепляясь за снасти. Кружевные паруса трепетали, и на их фоне мятая физиономия Андрея с клочковатой бородой смотрелась особенно гламурненько. Юлька заметила, что кое-кто из коллег уже наострил объективы, вот сволочи. Хотя никуда оно, конечно, не пойдет, так, прикалываются для себя, максимум выложат в сети.

– Твое счастье?

Юлька обернулась через плечо. Анька с четвертого канала.

– О, привет. Мое, блин. Его давно никто не хочет брать, нажирается на каждой пресухе.

– А ты чего берешь?

– Так уволят же, а у него дети. Нет, ну ты смотри!

Анька смотрела. Смотрели все журналисты, вип-гости и обслуживающий персонал, пилились жадно, казалось, будто к мачте стягивается тугой пучок лазерных взглядов-лучей. Андрей долез до нижней перекаладины, к которой крепился парус, подтянулся, уселся верхом и начал снимать. Камера двигалась плавно, без малейшей дрожи или рывков: профессионализм так просто не пропнешь, с досадой и восторгом подумала Юлька. Кое-кто из Андреевых коллег зааплодировал, но широкой поддержки не встретил. Обслуга мялась на местах, не в силах определиться, как реагировать, некоторые куда-то нервно названивали. В скупающей тусне випов нарастало заметное возбуждение.

Ну и ничего, решила Юлька. Снимет и слезет, а назад к столу его никто больше не пустит. Все к лучшему.

В этот момент Андрей и перехватил поудобнее руку на мачте.

Юлька все видела в упор. И сообразила, что произойдет, за полсекунды до того, как оно и вправду произошло, она всегда умела запросто заглядывать в не столь отдаленное будущее, а толку? Короче, над переключением мачта уже была виртуальная, пальцы оператора прошли сквозь нее, он потерял равновесие и полетел бы вниз башкой прямо на палубу, если бы с непостижимой в его состоянии ловкостью не успел вцепиться в верхушку реальной мачты, которая внезапно вздрогнула и покосилась...

И рухнул на палубу вместе с ней, в гущу визжащего гламура.

Заорали и засуетились синие с золотом мундиры. Пресса ринулась наверх, сшибая столы, защелкали фотки, заработали камеры. Юлька выставила вперед острые локти, протолкалась сквозь спины и прорезалась, словно кончик сверла, возле самой поверженной мачты, где, потирая затылок, хлопал мутными глазами сравнительно невредимый Андрей. Камеру он, конечно, расшиб вдребезги.

Вот тут на обозримом берегу, чуть мерцавшем в преломлении кондишенного купола, и возник анакондовый свадебный кортеж во главе с белым кабриолетом немислимой длины. Юлька успела разглядеть сияющую лысину и похоронный костюм олигарха, обнимающего длинношеею красотку в ослепительно-снежных мехах.

То-то он, наверное, удивится.

* * *

Удаляясь, Остров серебрился звездными искорками по краю купола и казался сказочным и недостижимым, каковым, в общем-то, и являлся. На студии Юльке отчаянно завидовали, потому что кроме шефа, его зама и коммерческого директора только у нее одной и была постоянная островная аккредитация, другие журналисты или операторы попадали сюда эпизодически, чуть ли не раз в жизни. О том же, чтобы когда-нибудь ступить на Остров за свои, не стоило и мечтать – верный путь к душевным расстройствам. Здесь и во времена полуострова были, говорят, немислимые цены, особенно на южном побережье.

Солнце палило в безоблачном, очищенном по случаю олигархической свадьбы небе, и Юлкин кондишен, включенный на полную мощность, ничуть не мешал топику прилипать к потному телу; после островной прохлады это было особенно противно. Перестегнула с кепки на грудь, стало чуть полегче, но вряд ли надолго. Торпеда взрезала гладкое море, нацелившись на материк, и раскаленный попутный ветер, по сути выхлоп островных мегакондишенов, хлестал по щекам и шпарил кожу. Юлька спустилась в торпедное чрево, душное, но в принципе терпимое.

Андрей дрых поперек койки, без кондишена, мокрый и омерзительный, временно спокойный в спасительной отключке; сиеста, блин. Надо что-нибудь с ним придумать, хотя что тут придумаешь? Стопудово уволят, плюс выставят счет за камеру, плюс волчий билет, а жена сидит дома, и дети, четыре с половиной и полтора, и невыплаченная квартира, и все такое. Нет, ну не сволочь ли?... а куда не денешься, нужно как-то отмазывать.

Так она размышляла стратегически, одновременно строча рыбу сюжета в любимом рабочем наколеннике на левой ноге. Видео обещала перегнать по дружбе Анька с четвертого, синхроны вставим какие будут, без разницы. Смонтируемся сразу по приезду, потом с другим оператором выскочим на ближайший рынок по цены, блицы все равно не успеваем и ну их на завтра, а своего Старкова пускай Дашка сама обслуживает, пофиг. Сегодня у нас четверг, и ей, Юльке, еще голову мыть перед эфиром. Кстати.

Набрала Веронику, редакторшу «Супер-Моста». Вероничка не брала трубку звонков семь или восемь, а когда соизволила, голос у нее был недовольный и вязкий, как застывающая смола:

– Але... а, это ты... имей совесть, сиеста же...

Сиесту Юлька сама вечно пропускала, а потому постоянно нарывалась. Конечно, звонить людям в часы естественного и закрепленного законодательно четырехчасового послеобеденного отдыха – свинство, и в этом свинстве она замечена далеко не впервые. Но теперь то уж что.

– Сорри, забыла. С Острова звоню, тут не соблюдают. Как у нас там с гостями?

– А что с гостями? – сонно удивилась Вероничка, будто слышала об этой своей обязанности впервые. – Ничего.

– Кто будет, я спрашиваю?

– Так я тебе и сказала, это же комп включать... Перезвони в шесть, ага?

Блин. Опять сообщит перед самым эфиром, а потом отмажется, что «Мост» он и есть «Мост», живой эфир, импровизация, ля-ля-фа-фа. Ну и ладно. Симпровизируем.

Юлька поудобнее согнула коленку и вернулась к сюжету. Ну и что мы будем делать? По всем программам стопудово покажут и полет Андрея в обнимку с мачтой, и скандализированный гламур, и реакцию оторопевшего олигарха с его цыпочкой в мехах. Поскольку в нашей свободной стране честные новости освещают всё. Ну допустим, этот самый олигарх владеет контрольным пакетом акций канала, и не только нашего (а иначе фиг бы кто-нибудь снимал его четырнадцатую по счету свадьбу!), но искажать факты мы себе позволить не можем. Репутация, честное имя – все, что у нас есть. На ней и только на ней держится какой-никакой престиж и канала, и программы, и Юльки Чопик лично, и, по большому счету, всей нашей страны.

Вот только Андрею после такого пиара уж точно не светит найти где-нибудь работу по специальности, а больше-то он, наверное, и не умеет ничего. Уйдет в дайверы, что еще остается? Надо было меньше пить. Многие так живут.

В ровном гуле торпеды послышался отчетливый чих. Потом еще один, потом двигатель содрогнулся в приступе простуды – и торпеда дернулась резким толчком, стопорясь и вибрируя. Юлька полетела ничком на Андрея, ткнувшись носом в его потное пузо. Оператор взвился, похоже, опять пережив в финальном сне свое триумфальное падение, и судорожно схватил ее в объятия, будто верхушку мачты.

Переглянулись и звонко расхохотались хором. Все-таки Андрей был смешной и хороший, они всегда понимали друг друга. Юлька его нежно любила, особенно трезвого, от случая к случаю.

Торпеда покачивалась на своей же остаточной зыби. Юлька выбралась наружу, огляделась по сторонам. Ни материка, ни Острова не было видно, сплошная синева в слепящих серебряных искрах. Перегнулась через борт: в зеленеющую толщу ввинчивались золотые иглы солнечных лучей, уходя в темноту. Глубоко, ничего не видно. Даже не культурный шельф еще, а открытая акватория. Блин. Вечно эти торпеды заедает на полпути. Часа два грести, наверное. И вся сиеста.

– Идем, – вздохнула Юлька.

Андрей присел на корточки, развинчивая болты и открывая в боках торпеды люки-уключины. Весло рассохлось и не пролезало, пришлось всовывать снаружи: Андрей опасно балансировал, нависнув над бортом, а Юлька помогла, придержав крышку и перехватив изнутри черенок. Передыхнула, запоздало сняла наколенник, перестегнула кондишен под козырек кепки, села на скамью, ухватилась поудобнее. Бывший оператор рухнул рядом и тоже взялся за весло:

– Погребли?

И они дружно погребли.

* * *

Звонил муж-два. От его шуршащего баритона голова, как всегда, шла кругом, в груди и ниже все щемяще сжималось – но сейчас оно было, мягко говоря, не в тему. Именно это Юлька и пыталась ему втолковать:

– У меня эфир через две минуты. Эфир! «Супер-Мост», понимаешь?

– Давай быстро, и я тебя подхвачу. В восемь на проходной. И поедем.

– Слушай, я не уверена. Потом еще разбор полетов, а у меня...

– Ты не хочешь?

– Хочу, только... Слушай, а дети?

– Я обо всем договорился. Дети посидят у мамы, потом заедем, заберем. Или утром.

Юлька, я соскучился. Я тебя хочу. Я тебя прямо сейчас хочу, плюнь на свой «Мост»...

– А она уроки с Мишей сделает?

– Какие еще уроки? Короче, Юлька, я выезжаю. Ничего, если я тебя прямо из эфира украду? Вот это будет настоящий, как он там у вас называется...

– У него контрольная завтра.

– Юлька, ты чудо. Я тебя обожаю. Я уже еду, слышишь?

Муж-два был совершенно ненормальный, Юлька его нежно любила. Надо предупредить на проходной, чтоб его там задержали хотя бы до конца эфира. Прорваться муж-два с его сокрушительной сексуальной энергией мог куда угодно и без всякого пропуска, а способен он был абсолютно на все. Блин. И голову она так и не успела вымыть.

Парикмахерша как раз лакировала ее зачесанные назад, минимизированные волосы, превращая Юльку в лоснящийся бильярдный шарик с ушами – типа стильно. На воротник прицепили элегантный кондишен новой фирмы-рекламодателя, безумно дорогуший, наверное; в шею он дул зверски, и ни Юлька, ни стилист, ни кто-либо из пробежавших мимо гримерки не смогли найти, где в нем регулируется мощность. Придется так и сидеть в студии, продует еще. А списка гостей Вероничка до сих пор не предъявила, даже краем глаза взглянуть, где она вообще шляется, минута до эфира, блин!

– Чопик! – вклинилось в ухо режиссерским басом из аппаратной. – Ты офигела? Бегом!

В коридоре попалась Вероничка, сунула в руки распечатку, и уже не было лишней секунды что-нибудь высказать по данному поводу. За столиком в студии, цепляя петличку, Юлька обнаружила, что распечатка старая, с прошлой программы. Разобрал неодолимый смех, и она так и появилась, хохоча, на эфирном мониторе:

– Всем добрый вечер! В эфире ток-шоу «Супер-Мост». Я, если кто еще не в курсе, Юля Чопик, а гостями наших студий, реальной и виртуальной, сегодня будут... Нет, если честно, я сама до сих пор не знаю. Сейчас они появятся, люди это наверняка публичные, примелькавшиеся, попробуем опознать. Итак...

В ухе рывкнуло:

– Бумажку переверни!

Юлька послушалась, и ее разобрало еще сильнее: нет, ну надо же! Вот они, сегодняшние подводки, все четко и красивенько, молодец Вероничка, и правильно, бумагу надо экономить – а как мы должны были догадаться, вопрос второй и праздный, короче, проехали. Не поднимая глаз, зачитала на радостях энергично и звонко:

– В гостях нашей виртуальной студии, расположенной, о чем не надо напоминать постоянным зрителям, а остальным, так и быть, напоминаю, в столице страны наших ближайших соседей, – знаменитый писатель, поэт и публицист, моральный и неоспоримый авторитет нации...

Передыхнула, поднабрала воздуха и объявила:

– Дмитрий Ливанов!!!

По реальной студии прошел нервный ропот, взрезаемый кое-где, словно море белыми барашками, негромкими смешками. Аппаратная после мгновенной паузы взорвалась длинным режиссерским матом. Что-то было явно не так. Юлька оторвалась от распечатки и посмотрела перед собой. Блин.

На огромном мониторе топталась по дорожке для гостей длинноногая блондинка в декольтированном по-взрослому платье и кокетливой розовенькой шляпке, похожей на кривоватый зонтик.

Полуоткрыла рот и хлопала круглыми обескураженными глазами.

* * *

– Это мне купили, а не тебе!

– И вовсе не тебе, а я поменял у Саньки на жевачку!

– А у меня уже все пингины есть, только на одной лапе нет!

– Малявка! Пингинов вообще давно никто не собирает.

– И ничего не малявка!

– Не собирают!

– Собирают-собирают, просто вам завидно!

– Ничего мне не завидно, дурочка!

– Малявка, малявка!

– Мама, а Мишка с Коськой обзывают-а-а-а-а-а!!!

Муж-два страдальчески зажал ладонями уши, он и своих-то двоих переносил с трудом, а когда все стадо собиралось вместе, вообще расплзался и высыхал на глазах, словно выкинутая на берег медуза. Только из жалости к нему Юлька и поднялась. По-хорошему, разобрались бы сами со своими яблочными наклейками или что они там не поделили.

Когда она вошла в детскую, Марьяна уже ревела в три ручья над разорванным напололам бумажным пингвинчиком, Мишка и Костик катались по полу клубком – мелькала то светлая, то темная макушка, а где чьи руки-ноги, и не различишь, – а Славик восторженно бросился навстречу:

– Они первые начали! Я им говорил, а они...

– Ябеда-корябеда, – бросила Юлька. – Марьянчик, иди сюда, не плачь, пушистик, это же мальчишки, мы с тобой возьмем и не будем с ними дружить...

– Она сама, – мрачно сказал Мишка, поднимаясь с пола. – Хвастается и не хочет делиться. Думает, раз малявка, то все можно.

– Я не малявка!

– Она девочка, – назидательно сказала Юлька. – Ладно, показывайте. Что у кого есть. Разберемся.

Коллекции наклеек с антарктических фруктов последнее время стали всеобщей и безумной детской напастью, бороться с которой Юлька уже пару месяцев как перестала – раньше пыталась, а толку? Попадись ей президент корпорации «Плоды высоких широт», жирный коротышка, сам похожий на пингвина, удавила бы собственными руками. Надо будет озадачить Вероничку выдернуть его в «Мост». Предварительно подсчитав, сколько дополнительного бабла огребают эта сволочь на детских амбициях и мечтах. Нереально, конечно, не наш уровень. Он, скорее всего, вообще не подозревает о существовании на глобусе нашей страны.

Тем временем Славка и Костик, белобрысы и похожие почти как близнецы, хотя и три года разницы, выложили на ковре каждый по бесконечной колбасе из мерцающих голографических наклеек. Тут же выяснилось, что младший владеет каким-то особенным пинг-

винчиком на торпеде, которого старший тут же начал выманивать с напором и ловкостью бывалого менеджера. Юлька пресекла:

– Руки!!! Выложили и смотрим. Миша, Марьяна, а у вас?

– Я пингвинов не собираю, – с достоинством уронил Мишка, восьмилетний вкрадчивый брюнет, карманный вариант мужа-два. – Только китов и косаток. И чаек начал.

– Мама, я хочу себе чайку, а он жадина, – захныкала Марьяна.

Она единственная была похожа на Юльку в детстве, и потому первый муж регулярно заявлял на нее претензии, даже заказывал как-то экспертизу ДНК, а потом сам же и оспаривал результаты. Впрочем, разруливать мужей и детей было не в пример легче, чем детей и наклейки, по причине куда меньшего разброса вариантов. Юлька давно привыкла и проделывала и то и другое, особенно не напрягаясь, на автомате.

– А тот кашалот мой! – заорал Костик, тыча пальцем в Мишкину коллекцию. – Он мне вчера на груше попался! А совсем не ему, пускай отдаст!!!

– Кашалот классный. Возьму себе, – сказала Юлька. – Спасибо, Мишка, ты солнышко, я тебя люблю. Кто еще что-нибудь маме подарит? Кто не жадина?

– Я-а-а-а!!!

Заглянул муж-два:

– Потихе можно?

Хотел, кажется, что-то добавить, но передумал, промолчал, только послал Юльке в дверную щель эротично-умоляющий взгляд. Ответила вздохом, большими глазами и пожатием плеч, одновременно рассовывая по карманам щедрые детские инвестиции. Теперь надо с высокой точностью отмерить каждому его порцию нежных эквивалентов материнской любви, которую дети делили с не меньшим азартом, чем антарктические наклейки.

И чем мужья, если уж на то пошло.

Оно, конечно, вышло сегодня не супер. Муж-два появился в студии довольно поздно, после окончания программы и даже разбора полетов, где Юльке, понятное дело, влетело не по-детски, – а тут еще и это сокровище во всей красе. Потный и злой, с поломанным кондишеном и с таким же точно злым, капризничаящим Мишкой на буксире. Как выяснилось, дорогая мамочка, которой муж-два доверял безгранично, будучи в нее эдипически влюблен, в очередной раз его наколола и сидеть с внуками отказалась, сославшись на свои загадочные «планы». Юлька пообещала пристроить детей первому мужу, муж-два сексуально воспрял, и они отправились домой, заехав по дороге в садик за дочкой.

Первый муж всегда казался Юльке предсказуемым, и она упорствовала в данном убеждении, хотя не однажды на нем горела. Названивая в дверь на левом торце лестничной площадки (муж-два тем временем открывал замок двери в правом торце), она рассчитывала бросить коротко «привет, присмотри за детьми» и втолкнуть Мишку с Марьяной в квартиру без длительных объяснений и разборок, милых сердцу первого мужа. Но получилось немножко не так.

– Хорошо, что ты пришла, – сказал первый муж, появляясь в проеме, официально одетый, с корпоративным кондишеном на майке и сыновьями, повисшими на обеих руках. – Присмотри за детьми. Уроки они сделали. Я скоро буду.

– Куда ты? – крикнула Юлька уже в лестничный пролет. Получилось гулко и жалко. Муж-два уничижительно и гордо смотрел с противоположного края лестничной площадки. Свои безусловные права на Юльку он утвердил, забрав все стадо в свою, правую, квартиру. От чего теперь и страдал, сексуально неудовлетворенный и прибитый децибелловой детской атакой.

Разрулив ситуацию с наклейками, Юлька поделила между детьми гроздь бананов, увенченных на шару с рынка на сегодняшней съемке (обрадовалась одна Марьянка, сыновья взяли по штуке без энтузиазма, Мишка вообще заявил, что терпеть ненавидит эту гадость),

а сама метнулась на кухню. Мужа-два ей было искренне жалко. Надо его хотя бы накормить, что ли.

– Юлька! – он перехватил ее в коридоре неожиданно и бесшумно, как кот, и горячо прижался сзади. – Ну где ты застряла? Я не могу больше...

– Пусти, я тебе сейчас борща разогрею.

– Думаешь, я борща хочу?

– Пусти, тебе говорят... Дети же!

– Ты ж их вроде нейтрализовала.

– Нейтрализуешь их... Ну слушай, я серьезно, кому говорю!..

Говорить что-либо мужу-два, тем более серьезно, было бесполезно, Юлька давно знала, а кроме того, в подобной диспозиции у нее очень быстро пропадало всякое желание как-то возражать или сопротивляться. Муж-два уволок ее в спальню, предусмотрительно закрывшись на двойной щелк от возможного набега детей, и точным движением расстегнул молнию на ее шортах. Юлька стянула через голову топик, зацепившись волосами за кондишен. И как раз выпутывалась, когда из шорт где-то на уровне щиколоток зазвонила мобилка.

– Нафиг, – шепнул горячим дыханием в шею муж-два.

– Да подожди ты, а вдруг с работы...

– Нафиг твою работу.

Юлька извернулась и присела на корточки:

– Алло. Кешка, ты? Ну?!

– На мази, – сказал Иннокентий, слышно его было еле-еле в грозном гудении допотопного кондишена. – Нет, правда, тьфу-тьфу чтоб не сглазить. Просят назавтра концепцию. Сбросишь?

– Какую концепцию? – соображалось туго, потому что муж-два, естественно, ничего не желал понимать. – Да отстань ты на две минуты! Это я не тебе. Какая концепция, Кеш?

– Чопик! – возмутился Иннокентий. – Она у тебя разве до сих пор не готова? Я же еще когда говорил!

– Ты говорил, не горит... – вспомнила наконец Юлька. – Ладно. Завтра сброшу.

– С утра.

– С утра, договорились. Пока, Кеша.

Мужа-два почему-то рядом уже не было: нетипично для него, Юлька даже заволновалась. Из-за дверной створки, раскрытой настежь, доносились боевые детские вопли. Натянув шорты и топик, вышла в коридор и умилилась нарисовавшейся картине.

В проеме наружной двери высились, как две скалы у входа в пролив, первый муж и муж-два, такие непохожие, замечательные, красивые, смешные и любимые. На каждом попеременно висло по двое детей, причем ротация происходила столь молниеносно, что уследить за ней Юлька не успевала – словно за бурлением волн и пены вокруг скал. Все дети что-то одновременно орали, и оба мужа одинаково страдальчески сводили на переносицах черные и соломенные брови.

– Иннокентий звонил! – радостно провозгласила Юлька.

Дети на секунду замолкли, а мужья синхронно повернули физиономии, на которых не отразилось ничего, кроме враждебного недоумения. Ни черта они не смыслили в Юлькиных проектах, проблемах и творческих планах, просто не утруждали себя тем, чтобы въезжать и помнить, – а ведь она рассказывала, и в подробностях, и сколько раз! – и одному, и другому. И вроде бы даже слушали. А ну их.

– Короче, сегодня я работаю, – сообщила она, пользуясь паузой относительной тишины. – Полночи уж точно. Борщ в холодильнике, разогреешь. А ты пельменей свари, что ли.

Первый муж состроил козью морду. Юлька вздохнула. Готовить одновременно обоим ну никак не получалось, хоть ты тресни.

Разве что иногда по выходным.

РОСТ ЦЕН НА ФРУКТЫ: текст Чопик, камера Василенко, хр. 1 мин 32 сек.

Подводка: Сегодня на закрытом заседании профильной комиссии были озвучены некоторые цифры по прогнозам урожая банановых и других основных сельскохозяйственных культур на текущий год. Как сообщает агентство «Информ-пресс», уже в июле с посевных площадей центральных черноземных областей нашей страны будет собрано в среднем 11,32 тонн бананов с гектара. Хотелось бы верить, что эта цифра в какой-то степени отражает реальность. Наши корреспонденты провели небольшое расследование на одном из рынков столицы нашей страны.

Стенд-ап: Вот эта гроздь бананов, сейчас мы ее взвесим, обойдется покупателю – сколько там?... ну ни фиги себе, – в достаточно круглую сумму: двадцать восемь семьдесят пять. Хотя еще на прошлой неделе получилось бы уложиться в двадцатку.

Текст: Как известно, в нашей стране имеется ровно четыре причины для подорожания чего-либо: зима, весна, лето и осень. Говоря об очередном росте цен на отечественные бананы, продавцы апеллируют к зиме.

Синхрон (продавщица): Так ведь заморозки-то были под Новый год, у нас же все-таки не Африка. Вот они и того... подмерзли бананчики-то, неурожай. А вы яблочек возьмите. Вон какие красивые яблочки из Антарктиды. И дешевле, и полезнее.

Текст: Самыми доступными фруктами на наших рынках традиционно остаются привозные антарктические яблоки и груши. Правда, вслед за бананами выросли цены и на них, нельзя сбрасывать со счетов нормальный уровень инфляции, составляющий на сегодня семь-восемь процентов в месяц. Однако специалисты-диетологи советуют не экономить на здоровье и отдавать предпочтение продуктам, выращенным в наших широтах. В особенности это касается детского питания.

Синхрон (врач): Ну как можно давать маленькому ребенку это яблоко, его же привезли неизвестно откуда, его обрабатывали неизвестно чем для длительного хранения... У вас дети есть?

(Корреспондент за кадром): Да, четверо.

(Врач): Так вот, мамочка, я как доктор настоятельно вам рекомендую кормить детей местными фруктами.

Текст: Несмотря на оптимистические прогнозы сельскохозяйственной комиссии, есть основания опасаться, что цены на бананы и прочие фрукты наших широт будут продолжать ползти вверх – как минимум, до следующего урожая. Впрочем, тридцать первого декабря у нас каждый год случаются неожиданные заморозки. Радует одно: возможно, рано или поздно ближайшие соседи перестанут именовать нашу страну Банановой республикой.

Юлия Чопик, Сергей Василенко, «Новые вести», Пятый канал.

2. Эта страна

– Все дело в том, что в этой стране никогда не будет счастья, – сказал Ливанов. – Стабильность, ресурсы, экономический рост, развитие интеллектуальных и культурных сил, прекрасный, чтоб его, климат, даже вменяемая власть – все это у нас уже есть или теоретически может быть. А счастья не будет.

– Я счастлива, – пискнула из-под мощной ливановской подмышки Катенька. Никто, конечно, не обратил внимания. Катенька задумывалась как чисто декоративный элемент вечера; будь у нее хоть капля вкуса и мозгов, она вообще не подавала бы голоса.

– Красиво, Дима, – кивнул Герштейн. – Как всегда у тебя. И, как всегда, неправда. Счастье у нас все-таки субъективная категория, допускающая разгул релятивизма и разброс толкований. С таким же успехом я могу заявить, будто в мире абсолютно все в той или иной степени несчастны, и что ты мне возразишь? Почему именно эта страна?

– Потому что у вас нету других тем для обсуждения, – съязвил командировочный Массен. – Весь вечер только и слышу: эта страна, эта страна, эта страна...

Впрочем, восприняли его реплику не в большей степени, чем Катенькину. Массен давно порывался уйти: полноценно участвовать в разговоре у него не получалось из-за невключенности в контекст, женщин в обещанных Герштейном количествах не наблюдалось, а пить он уже не мог, и без того чуть не превысил свою четко отмеренную норму. Но больно хорошо сидели. Ни разу в жизни Массену не приходилось сидеть настолько хорошо, культурно и основательно, как здесь, на ливановской кухне. Видимо, так умеют только в этой стране. Предвкушение того, как он будет рассказывать о нынешнем вечере дома – шутка ли, в гостях у самого Дмитрия Ливанова! – придавало происходящему особенное уютное очарование.

– Потому что в этой стране, казалось бы, – «казалось бы» Ливанов выделил голосом-курсивом, как он виртуозно умел, – имеются все составляющие для... ну хорошо, пусть не твоего тонко-интеллигентского, Герштейн, но по крайней мере для одноклеточного обывательского счастья. Но его все равно нет. И не будет никогда, вот в чем дело.

– Обожаю, когда ты рассуждаешь о жизни и ценностях одноклеточных обывателей, – расхохоталась Извицкая. – Сидя на твоей, извини, кухоньке. В твоём, извини, особнячке.

– Дорогая, ты, как всегда, очень точно все подметила. В этой стране человек моего уровня и авторитета не может не жить достойно. Эта страна ценит таких людей, как я, поскольку кровно заинтересована в них. Но счастливы-то они все равно не будут, вот в чем парадокс. Хотя казалось бы.

Это «казалось бы» он выделять уже не стал, ограничившись жирной логической точкой усиливающего повтора. Покрепче ухватил Катеньку, запрокинул ее, как в танго, затылком параллельно полу, навис над ней сверху и жадно впился марафонским поцелуем, рассчитанным на покорение всех свадебных и гиннесовых рекордов. Те из гостей, кому было с кем, дружно последовали его примеру. Извицкая хмыкнула и отвернулась.

За это время юный Виталик Мальцев успел продумать как следует свои основные тезисы по поводу муссируемой темы. И на сей раз рассчитывал быть услышанным.

– Дмитрий Ильич, – заговорил он как только, так сразу, пока безусловно счастливая Катенька переводила дыхание, а Ливанову наливали еще коньяку, – а вам не кажется, что глобальное потепление в какой-то степени исправило вековую несправедливость в отношении этой страны? Может быть, теперь все у нас будет по-другому. Просто прошло еще не так много времени, и...

– Просто ты живешь еще не так много времени, – не то прервал, не то подхватил Ливанов. – Лет через десять, надеюсь, ты поймешь, что в этой стране никогда ничего не менялось

и не изменится. Глобальное потепление заставило перестроиться и начать жить иначе весь мир, но только не эту страну.

– Так ведь я и говорю! – у Виталика голова шла кругом от собственной смелости: спорить с самим Ливановым, даже перебивать его! – Если для всего мира оно стало катастрофой, то эта страна, возможно, получила наконец-то свой исторический шанс. При относительно небольших потерях...

– Ничего себе, – пробормотал Герштейн. – Обвал экономики, полный абзац в сфере топлива-энергетики плюс пара-тройка миллионов затопленных гектаров не в счет.

– Да пошел ты со своими гектарами, – бросил Ливанов, и Виталик просиял от уха до уха: Дмитрий Ильич с ним согласен, они выступают одним фронтом, видали?! – От этой страны, сколько ни затопи, не убудет. Мальчик правильно говорит, потери небольшие. Рано или поздно нас и так послали бы с нашими нефтью-газом, и правильно бы послали, только и это ничего не изменило бы.

– Зато теперь все рвутся к нам отдыхать на Белое море, – бросила Извицкая. – Поедешь летом на Соловки, Ливанов?

– На Соловки – хоть с тобой, – отозвался он. – Прости, любимая, хотел сказать, с тобой – хоть на Соловки.

Извицкая хотела ответить чем-то хлестким и остроумным, но протормозила лишнюю секунду, упустила момент, после которого удар уже не считается парированным. Записала себе в личный счет на будущее. За годы более-менее близкого знакомства у нее накопилось к Ливанову немало непроплаченных личных счетов.

Виталик насупился: вмешательство этой богемной дамочки с зелеными глазами, то ли актрисы, то ли поэтессы, разрушило их с Ливановым ситуативный союз, да и вообще отодвинуло его, Мальцева, куда-то на периферию общего разговора. Солировал теперь Герштейн. Он всегда начинал солировать, как только Ливанов отвлекался.

– Дима, я сейчас скажу одну страшную вещь, а ты потом делай со мной, что хочешь, отказывай от дома – хотя, признаюсь, было бы жаль. Так вот. Этой стране, как ни крути, по большому счету всегда везло со властью.

По сорокаметровой ливановской кухне прошел ропот, чем Герштейн очень вдохновился, пускай Ливанов лично в ропоте и не участвовал. Но слушал заинтересованно, это да. Неудобно зажатая у него под мышкой Катенька не смела пискнуть.

– В какую бы задницу нас ни загоняли обстоятельства, – вдохновенно развивал Герштейн, – наша власть всегда умудрялась выкрутить ситуацию пусть самой противоестественной буквой «зю», но себе во благо. А по касательной зацепляло и всю эту страну, с которой она, власть, всю жизнь себя ассоциировала.

– В отличие от народа, – бросил хмурый бородач, которого никто не знал по имени-фамилии, только в лицо. Но в лицо знали абсолютно все. И все обычно замолкали, когда он изволил чего-нибудь хмуро бросить, обычно малопонятного либо допускающего несколько равноправных толкований. Ливанов его терпеть не мог, но почему-то все-таки терпел, каждый раз болезненно морщась, будто жевал целый лимон со шкуркой.

– Возьмем то же глобальное потепление, – зашепел Герштейн, заполняя гнетущую паузу. – Допустим, теперь у нас чудесный климат. Но мало ли известно в истории нищих стран, где он был еще более чудесным до потепления? Но это им не помогло, потому что на климат там плевали с высокого дерева, занимаясь делами поважнее – делили власть. А в этой стране власть неделима по определению, с чем народ смирился еще в незапамятные времена. Правда, есть еще гнилая интеллигенция, которой в этой стране положено власть ненавидеть. А почему, спрашивается? Меня лично она устраивает.

Он панорамно оглядел собравшихся, улыбаясь с хитрым прищуром. Зафиксировал улыбку и победный взгляд на Ливанове. Тот выдержал паузу, а затем громоподобно расхохотался:

– Ты дурак, Герштейн, – провозгласил он. – Но ты феерический дурак, и за это я тебя люблю. Давай выпьем, что ли.

– Дим, а может быть, тебе хватит? – шепнула Катенька, снова дисгармонично выпадая из образа. Извицкая уничижительно глянула поверх ее головы, Ливанов поймал извицкий зеленый взгляд, как бадминтонный воланчик, и понимающе пожал плечами: что, мол, с такой возьмешь. Извицкая улыбнулась и стала похожа на человека. Все выпили.

Массен в который раз попробовал встать, но его усадили на место с двух сторон Герштейн и Соня Попова. К Соне, полной и русокозой, будто с национального рекламного плаката, Массен в начале вечера пытался приставать, но она словно и не замечала его поползновений, влюбленно плясая на Ливанова. В этой стране, наконец-то внятно сформулировал Массен, видимо, принято плясать на Ливанова. Более или менее влюбленно.

– А вообще-то вы все правы, – устало и довольно изрек хозяин. – Хорошая у нас страна. Замечательная страна, особенно если сравнивать с ближайшими соседями. Это я не вам, Массен, хотя и вас тоже касается, чего уж там. Меня, кстати, на днях приглашали в ток-шоу на телевидение из Банановой республики, и я даже согласился, больно уж у них весело...

– А у нас где-нибудь можно будет посмотреть? – восторженно воскликнул Виталик Мальцев. Он отслеживал все интервью Ливанова, его выступления в прессе, эфиры и программы с его участием, а потом выкладывал ссылки в интернет, в ливановское ЖЖ-сообщество, совершенно бесплатно, на энтузиазме. Дмитрий Ильич, кажется, ценил. Но вопроса все равно не услышал.

– Забыл, на какое число... Поднимись, солнышко, достану искусственный интеллект. Н-да, похоже, что на сегодня. Пролетели они со мной. Но они всегда пролетают, они привыкли, они так живут, – Ливанов сунул блокнот в карман и водворил Катеньку на место. – А эта страна живет хорошо и правильно. Только вот счастья в ней нет и не будет. Или я уже говорил?

– Ливанов, – отдельно отчеканила Извицкая, – а ты не допускаешь мысли, что это твои личные проблемы? Только твои, а не этой страны целиком?

Катенька вскинулась, чуть было снова что-то не ляпнула, но в последний момент, к счастью, передумала, молча обняла Ливанова крепче и поцеловала куда дотянулась – чуть ниже уха.

– Дима, в отличие от власти, ассоциирует себя не только со страной и даже не только с народом, – встрял Герштейн. – Он вообще со всем на свете себя ассоциирует, что чревато когнитивным диссонансом...

Массен решил отступить потихоньку сейчас, пока Герштейн солирует и не замечает, не слыша никого, кроме себя, любимого и феерического, как и было сказано. Виталик Мальцев посмотрел на часы, он не предупредил маму, и она, конечно, уже начала контрольный обзвон по всем номерам его записной книжки. Но, в отличие от Массена, уходить он не собирался, не каждый же день выпадает такая невероятная удача.

Вошла пожилая ливановская горничная и молча сгребла со стола посуду с остатками закуски, а из-под одного – пустые емкости от спиртного. Ливанов показал ей растопыренную пятерню, тетенька кивнула и удалилась.

– Допускаю, Извицкая, – сказал он. – Ты слишком умная, иногда тебе это идет. Но очень редко.

Зависла пауза. Такая, что позавидовал бы даже мрачный бородач с неизвестными именем-фамилией.

Горничная вернулась, толкая перед собой столик, уставленный бутылками разного оттенка, высоты и формы, с веселыми разноцветными крышечками. Ни одной одинаковой. В смысле, ни двух.

И вечер возобновился радостно и шумно.

* * *

Проснувшись утром, Ливанов обнаружил, что все забыл.

Не вчерашний вечер, то есть, не в нем дело, там и помнить-то было нечего. Ну, набухались, ну, потрындели на кухне в лучших интеллигентских традициях этой страны, и Герштейн наверняка объяснялся в извращенной любви к власти, надеясь на благосклонность бородатой сволочи, давно пора дать по морде – но, кажется, вчера он, Ливанов, не дал и не даст никогда, пускай живет. И баб, скорее всего, опять было меньше, чем хотелось бы, да и времени на них не особенно хватало, а потом он вообще уснул, и только после этого все спохватились и начали расползаться. Неинтересно и неважно.

Однако он и на сегодняшний день ничего не помнил. Что должен делать, где обещал быть, кому и чего от него нужно именно сегодня. Такое случалось с Ливановым отнюдь не впервые, и на подобный случай имелся искусственный интеллект, блокнот-ежедневник из кожи экзотической ящерицы, в котором он экзотично делал записи шариковой ручкой – и врал журналистам, будто и пишет точно так же, ручкой в блокноте. Искусственный интеллект, по идее, лежал в кармане брюк, а где Ливанов вчера снимал брюки, оставалось пока под большим вопросом. Искать ответ и собственно штаны не хотелось. Хотелось всех послать.

Он решил так и сделать.

На противоположном краю гигантской постели тоненько посапывало. Ливанов приподнял одеяло, и худенькое подмерзшее тело еще сильнее свернулось в комочек. Ее звали Катенька, имя-то он помнил, и если уж посылать всех и подальше, начать логично с нее. Но это как раз было немыслимо и бессмысленно, все равно что прихлопнуть божью коровку. Вечно его тянуло на таких вот женщин, маленьких, беззаветных и безответных, с которыми потом в упор не знаешь, что делать. На гордых и ядовитых, вроде той же Извицкой, так, чтобы посылать друг друга со вкусом, страстью и артистизмом, соревнуясь, кто дальше, – не тянуло совершенно.

Катеньку придется долго и аккуратно спускаться на тормозах, но послать всех остальных Ливанов намеревался твердо. Укрыв ее по шею – интересно, было вчера что-нибудь?... вряд ли, – он выбрался из постели, зашел в ванную, стараясь не глядеть раньше времени в зеркало, привел себя в относительный порядок, запахнул на волосатом животе халат и вышел в соседнюю комнату, морской кабинет.

Такой кабинет Ливанов придумал себе еще в детстве, побывав в одном музее на тогда еще полуострове в тогда еще не Банановой республике, – сейчас-то там давно культурный шельф, и дайверы наверняка все разграбили подчистую. Но тогда восьмилетний Дима восхитился и проникся: да. Только в таком кабинете, с потертой картой на стене, со штурвалом и подозрными трубами, и можно заниматься стоящим делом. С делом он на тот момент еще, конечно, не определился, но кабинет себе пообещал и выполнил обещание, как только сумел. Именно здесь появились и «Дом», и «Пища смертных», и «Резонер», и все три части «Зеленых звезд», кроме нескольких глав последней, законченных на Соловках, и даже «Валентинка. ru», лучше которой он ничего не написал и вряд ли уже напишет. Все так думают, идиоты и сволочи, им почему-то кажется, будто они видят его насквозь – спивающегося, усталого, вышедшего в тираж. Да он в свои восемь и даже в шесть понимал о себе и о жизни куда больше и глубже.

К себе-в-детстве Ливанов относился очень серьезно, куда серьезнее, чем ко всем другим вместе взятым в половозрелых и дееспособных возрастах. Климатокомнаты он тоже придумал еще тогда. Детской мечтой иметь одновременный доступ и к зиме и к лету Дима Ливанов предвосхитил основную проблематику и головную боль всего человечества эпохи глобального потепления. Сейчас-то любой занюханный промышленник или губернатор без капли креатива и мозгов под черепашкой заводит в одной из комнат особняка локальную зиму (новое национальное развлечение в этой стране: заманить и запереть там какого-нибудь наивного заморского гостя), но первенство и копирайт однозначно принадлежали шестилетнему Ливанову. По утрам он иногда окунался в сугроб, чувствуя себя мужчиной могучего здоровья, не шутка ли, в сорок два года! И сейчас бы неплохо. Он распахнул дверь навстречу сухому вихрю звездчатых снежинок, когда впервые за сегодня, запуская отсчет на сотни, если не тысячи суточных раз, подала звук мобилка.

Вот и начнем. Не глядя на определитель номера и не дав звонившему прорезаться знакомым или малознакомым, мужским или женским, требовательным, напоминающим, вопрошательным либо соблазняющим голосом, Ливанов коротко и убедительно выдал заготовленный текст.

Довольно усмехнулся, сбросил за порогом халат и рухнул в колкие и обжигающие хлопья домашнего снега.

* * *

Первым достал его Юрка Рибер. Ну, Рибер-то мог достать кого угодно. И произошло это уже в половине первого, а до тех пор Ливанов урвал-таки несколько часов спокойной и свободной жизни. И она тоже, если честно, успела порядком достать.

Выставить за порог Катеньку получилось быстрее и легче, чем он рассчитывал: оказывается, она где-то работала и торопилась настолько, что даже пожертвовала завтраком на двоих, который для женщин ее склада, Ливанов знал, куда ценнее и дороже собственно секса. На прощальный поцелуй она, впрочем, потратила вдвое больше времени, чем на проглатывание чашки кофе, после чего испарилась – как будто навсегда. Разумеется, это была иллюзия: еще проявится, начнет звонить, бомбить эсэмесками и мейлами, а то и караулить под дверью, – но на сегодня Ливанова все в ней устраивало. Он позавтракал в одиночестве и пошел гулять.

Погода была прекрасная. На большей части территории этой страны погода была прекрасная в среднем триста сорок три дня в году, остальные дни природа списывала на живительные дожди и необходимое каждому здешнему интеллигенту унылое очей очарование. Ливанов предпочитал солнечные дни.

Как и все состоявшиеся и состоятельные люди в этой стране, он жил за городом, но гулять предпочитал по центру столицы. Теперь, когда проезд в городской черте разрешался только на автомобилях с экологически чистыми газовыми двигателями, машин тут стало, во-первых, в разы меньше (ну, это как раз ненадолго, куда его еще девать-то, наш бесценный газ?), а во-вторых, воздух они и вправду почти не загрязняли, по крайней мере на вкус, цвет и запах. Свою машину, представительную, но не запредельно понтовую, не надо, Ливанов припарковал еще за кольцом. Сегодня он был твердо намерен пройти пешком.

Он вышел на набережную сверкающей реки, вдоль которой можно было идти в одном направлении неопределенно долго. Если большинство столичных жителей ни разу в жизни этого не делали, то лишь потому, что никогда и не позволяли себе по-настоящему распоряжаться своей жизнью. Дмитрий Ливанов мог себе и не такое позволить. Последние четыре с чем-то месяца, к примеру, он позволял себе ничего не писать. Вообще ни черта, ну, не считая пары имиджевых колонок в солидных изданиях. И запросто, за милую душу.

Он шел, шурясь на серебряную речную поверхность и почти ничего не видя, кроме частокола собственных ресниц, поскольку забыл дома темные очки. По этой же причине его то и дело узнавали, здоровались, просили автограф. Ливанов со всеми здоровался, жал руки, приглашал в гости, но автографов не давал и на предложения зайти куда-нибудь выпить не велся. Периодически звонила мобилка, и он проделывал с ней утренний фокус – выходило куда интереснее, чем просто сбрасывать звонки или совсем ее отключить. Однако назвать данное занятие по-настоящему увлекательным было нельзя: так, одна из параллельных дорожек его всегда полифоничной и стереоскопической жизни. Большинство же других дорожек с утра пустовали, и это напрягало.

Ради хоть какого-то контента он завел мысленный разговор с Герштейном, в котором разоблачал многоступенчатое и хитрое герштейново построение: вроде бы оппозиционный априори интеллигент якобы демонстрирует лояльность власти, власть походя укрощена, репутация оппозиционера при этом поставлена на кон, но мы же все тут умные люди, мы всё прекрасно понимаем... А не хрен тебе, Герштейн. При таких раскладах рано или поздно придется определиться – потому что ты изначально ввязался в игру по правилам, принятым в этой стране.

Ему, Ливанову, никакая власть никогда не мешала. Он живет сам по себе, она тоже где-то существует, но к нему лично не имеет ни малейшего отношения. А если ты спросишь, откуда у меня особняк и все остальное, Герштейн, то я тебе отвечу: а попробуй-ка написать что-нибудь уровня хотя бы «Резонера», и чтоб оно продавалось теми же тиражами, плюс две экранизации и десятка три переводов за рубежом. Про «Валентинку. ги» не будем, у нас тут все же не избиение младенцев, а беседа двух интеллигентных людей...

Беседа выходила еще более идиотской, чем если бы происходила на самом деле, к тому же к ней норвила примазаться Извицкая с каким-нибудь ядовитым вопросиком: скажем, о творческих планах. Извицкую Ливанов изничтожил нафиг. На предмет творческих планов у него имелось куча заготовок для прессы, но по большому счету они, конечно, были слабоваты. Вот и напланируй что-нибудь посильнее и покреативнее. Чтобы даже она повелась, дура.

Эпическая трилогия в стихах о глобальном потеплении! Ливанов захихикал вслух, представляя, как запустит эту утку в прессу, как с десятков особенно рьяных критиков начнут превентивный разбор будущей трилогии, как пойдет волна обсуждений на форумах и блогах, а когда начнет спадать, он подкормит поклонников строфой-другой, слитых в сеть через преданного Виталика Мальцева. Кое-какие мыслишки якобы из великого эпоса можно оформить в демо-версии журнальной колонки. Короче, будет весело. Пока не придется под давлением общественности, издателя и всепобеждающего бабла на самом деле ваять эту долбаную трилогию...

Могучий организм затребовал жратвы, и Ливанов, прищурившись, определил свою дислокацию: до любимого ресторанчика оставалось метров двести. Далековато, учитывая, что в столице у него на каждых полкилометра приходилось по три-четыре любимых ресторанчика. К тому же, чтобы попасть с узкого тротуара у речного парапета на цивилизованную улицу, надо было дойти как минимум до моста с переходом, а потом возвращаться. Прибавил шагу, походя с особым вкусом нейтрализовав еще пару-тройку звонивших, поздоровался за руку с группкой туристов из ближнего зарубежья, ошалелых от ласкового солнца и ухмылки знаменитости, перешел дорогу и еще минут через десять наконец рухнул за столик.

Подпорхнула знакомая официантка, раскрыла перед Ливановым меню, мимолетно присела ему на колени, взвизгнула, вскочила и, хихикая, соколиным глазом отмерила тридцать пять граммов коньяку. Все это входило в ритуал, и было приятно, что она его так хорошо помнит. Коньяк испарился, как плевок на утюге, не оставив после себя ни тепла, ни после-

вкусия. Ливанов заказал еще. Пить в одиночестве ему выпадало настолько редко, что было бы глупо упускать случай.

В ожидании обеда воззрился на улицу сквозь стекло-призму, которое дробило и множило проходящих мимо сограждан и гостей этой страны. Все куда-то спешили и к чему-то стремились, все наслаждались хорошей погодой, стабильностью и отсутствием крупных государственных проблем. Ни один из них не был счастлив.

Вот тут в дверном проеме и возник Юрка Рибер. Ринулся за ливановский столик с ухмылкой до ушей и с первым, без всяких приветствий, вопросом в лоб:

– Ты какого... по мобиле материшься?!

* * *

– А пошел ты, – лениво бросил Ливанов, когда Рибер закончил излагать.

Юрка не обиделся. Он никогда не обижался и никуда не посылался, каких бы усилий к тому ни прилагали. Во всяком случае, Ливанов и не пытался. Черепаховый суп был хорош, а Юрка Рибер удачно создавал дополнительную фоновую дорожку. Хотя и порол, как всегда, полную мурню.

– Я уже обо всем договорился, – как ни в чем не бывало развивал Рибер. – у меня там дружан в дайверском поселке, Колька Иванченко, ты его должен знать.

Ливанов кивнул. Он знал абсолютно всех знакомых знакомых, в том числе и в Банановой республике, а уж колек-иванченко тем более пачками. Хотя дайверов среди них, кажется, не было... Впрочем, никто ведь не рождается дайвером. И по призванию тоже не становится.

– Не от хорошей жизни, – кивнул Рибер, он гениально умел перехватывать мысли на их пути к вербализации, это экономило время. – Он раньше у них на корпункте был видеоинженером, поперли под сокращение. Да ты его по-любому помнишь, бухали вместе.

Ливанов опять кивнул, тут уж он точно ничего мог возразить, трудно найти в обитаемом мире кого-либо, с кем он ни разу не бухал. Официанточка уловила знакомое слово и подлила им с Рибером еще по пятьдесят.

– Тебе сколько лет, Юрка? – спросил он.

– Тридцать восемь. Нет, вру, тридцать девять уже. На той неделе праздновали, ты почему не пришел?

– А пошел ты... Взрослый ведь мужик, под сорок уже, а играешь в какие-то поиски сокровищ, пятнадцать человек на сундук мертвеца. Самому не стыдно?

– Мне? Смеешься, Дима, мне никогда не бывает стыдно. Иначе я бы стыдился коснуться края твоих, извини, штиблет... что у тебя там плавает, вкусно? – Юрка извернулся и подцепил кусок черепашого мяса из ливановской тарелки. – Ничего так, закажи и мне тоже. В моем возрасте, на который ты деликатно намекнул, не мешало бы уже быть величиной и моральным авторитетом вроде тебя. Оставаться к сорока журналистом попросту стремно, это профессия для молодых, для мальчиков и девочек, которым нравится, чтобы их посылали. Но я стараюсь не обращать внимания, Дима. Подумай. Я тебе предлагаю стоящее дело.

– Стоящее дело среди лета – это Соловки, – благодушно сказал Ливанов. – Ты же знаешь, Юрка, летом я только там. Буду новую трилогию дописывать. Я тебе уже рассказывал? Эпическую, в стихах. Называется «Глобальное потепление».

Рибер ничуть не возбудился, и Ливанову это не понравилось: неужели плохо придумал, не цепляет, не вызывает интереса даже в узком кругу ограниченных людей, социологически верно представленных тут Юркой? Нет, не возбудился ни капельки, гнул свою идиотскую линию, как ни в чем не бывало:

– И заметь, я не пришел с ним ни к Лисицыну, ни к Солнцеву, ни к Герштейну. Я пришел к тебе, Дима. Потому что ты способен понять. Потому что тебе самому это надо.

– Да ну?

– Ты же закисаешь тут. Не может хороший писатель безвылазно сидеть в этой стране, оставаясь таковым. Читал я твою последнюю колонку в «Вестнике» – не обижайся, но это фигня.

– Вот и не читай фигни, – легко согласился Ливанов. – Ты единственный догадался, и за это я тебя люблю. Давай выпьем, что ли. Стоп, подожди.

Он полез в карман за искусственным интеллектом, пролистал: точно. На вчера надо было сдать очередную колонку в журнал «Главные люди страны». Этот дико элитарный глянцевого уродца выходил так редко, что Ливанов регулярно о нем забывал, а редактора там работали деликатные, напоминали о себе лишь в последний момент, вот сегодня наверняка звонили. И хрен с ними. Или все-таки чего-нибудь черкнуть? Про глобальное потепление.

– Будет здорово, – мечтательно сказал Рибер. – Даже если мы ничего не найдем. Я же понимаю, тебе пофиг. Для меня, для Кольки, для ребят – это шанс всю жизнь изменить, но тебе-то будет здорово и так, в любом случае. Дайверский поселок, погружения, культурный шельф... вставишь потом в эту свою, как ее, трилогию. Соглашайся. Никуда они не денутся, твои Соловки.

Принесли миску черепахового супа для Рибера и горячее Ливанову, пасту с пармезаном. Но есть как-то расхотелось. Захотелось поработать – тем более странно и противоестественно, что о нормальной работе речь не шла, не считать же таковой занюханые две-три тысячи знаков «Главлюдям», которые он ваял за десять минут левой задней ногой. За них и платили по таксе средней паршивости, так, один престиж. Вон Юрке с его авантюрой ливановский престиж уж точно до лампочки, тут все прозрачно, как повсюду в этой стране. Не пошел он, понимаешь, к Герштейну или к Солнцеву, обхохочешься.

– Вкусно, – сообщил Рибер, налегая на черепашатину. – Спасибо, Дим. Одно удовольствие питаться за твой счет, жаль, что редко получается.

– Держи, тоже тебе, – Ливанов подвинул к нему тарелку с пастой. – Скажи, Юрка, а если б я просто дал вам бабла? Профинансировал вашу мурню по полной программе, а сам никуда бы не ехал. Ты как, взял бы?

– Взял бы, не вопрос. Но, во-первых, ты не дашь. Просто так ты никому и ничего не даешь, все знают, хотя ты и пытаешься скрыть. А во-вторых, оно все-таки было бы неправильно, Дима. Тебе это нужно самому. Может быть, даже больше, чем мне или Кольке.

Ливанов поднялся. Положил на стол крупную купюру, не дожидаясь счета: тоже часть ритуала, за которую его повсеместно обожали официантки. Снова послал кого-то по мобилке и кивнул на прощание жующему Риберу:

– Я пока еще как-то разбираюсь, что именно мне нужно. Лучше многих в этой стране. Смешной ты, Юрка, за это я тебя и люблю.

Поднял раскрытую ладонь и ушел раньше, чем тот успел прожевать и ответить.

* * *

Что презентовали, Ливанов так и не понял. Как он здесь вообще оказался, впрочем, еще помнилось: привел Герштейн. А вот где и каким образом они пересеклись с Герштейном...

Публика собралась средней гламурности. Среди спонсоров с квадратными мордами крутились богемные тусовщики-шаровики, эти, в отличие от первых, все друг друга знали и получали удовольствие. Ливанов тоже был намерен его получить: сегодня, для разнообразия, за чужой счет. Счастья в этой стране нет и не будет, но бабки-то есть, они концентрируются в разных местах уродливыми пятнами, как разлитая в море нефть, и местами трансформируются в полезные фуршетные сборища вроде хотя бы этого. Красная икра на

столах имелась, а черной не было, тьфу, не наш уровень. Но данное обстоятельство, по идее, не должно помешать нажраться.

– Что-то мы с тобой часто видимся последнее время, Ливанов, – сказала Извицкая в длинном зеленом платье с глубоким декольте, было бы там что декольтировать. Ливанов пощупал и получил по рукам. Однако никуда она не делась, маяча на краю зрения зеленым пятном и явно мечтая, чтобы он попробовал еще раз. А фиг ей.

– Эту страну погубят иммигранты, – излагал рядом кто-то смутно знакомый. – Все хотят здесь жить: желтые, черные, банановые... Надо вводить жесткие миграционные ограничения, иначе дело швах. А вы как думаете, Дмитрий Ильич?

– Ты умный, – бросил, не глядя, Ливанов. – За это я тебя и люблю.

– С газом нужно что-то решать, – втирал между тем другой голос, тоже более или менее знакомый. – Они ведь сбивают цену чисто из принципа. Но если слегка надавить, например, по линии тех же межблоковых соглашений...

– Зачем? На их Острове давно уже процентов на восемьдесят наш капитал, – говорил кому-то Герштейн. – И остальное рано или поздно купим, потому что в этой стране...

Со сцены между тем вещал низенький квадратномордый мужичок, по виду спонсорской породы, в микрофон так и сыпались жаргонизмы вроде «наш фонд», «в текущем квартале», «за выдающиеся достижения». Затем вышел другой мужичок, еще ниже, тихий, с интеллигентной очкастой мордочкой. Узкая девушка двухметрового роста вручила ему огромный букет и спустилась со сцены, покачиваясь на ходульных каблуках. Ливанову всегда было интересно, каковы такие вот экземпляры в постели. Но проверять обычно было лень.

– А вот и Дима Ливанов! – провозгласил женский экземпляр раза в полтора ниже, но зато и шире настолько же. – Сенечка, познакомься, сам Дима! Дима, это мой Сенечка, я вам рассказывала. Вы должны непременно послушать его стихи...

– Непременно, – согласился Ливанов. – Сенечка, что вы пьете?

В конце концов, он тусовался тут уже минут десять и до сих пор ни с кем не выпил. Несправедливость была тут же исправлена и потоплена в звоне бокалов, которых к нему потянулось штук двадцать, не меньше. Напротив оказался давешний спонсор со сцены, кто-то, кажется, Герштейн, представил их друг другу, и Ливанов принялся с энтузиазмом излагать спонсору идею Юрки Рибера, мало ли, вдруг сработает, ему-то оно ничего не стоит, а Юрке будет приятно. Спонсор улыбался и кивал.

Кто-то подошел за автографом, Ливанов щедро расписался на весь титул. Когда поднял голову, напротив был уже не спонсор, а какой-то левый чувак, но он тоже улыбался и кивал, и Ливанов продолжил как ни в чем не бывало втирать про банановых дайверов, культурный шельф, пятнадцать человек на сундук мертвеца... А может быть, и в самом деле рвануть?... а потом уже, прямо оттуда – на Соловки...

– Вы танцуете, Дмитрий Ильич?

Напротив возвышалась двухметровая моделька, и Ливанов искренне изумился: сто процентов, что она не умеет читать, а вот поди ж ты, знает в лицо и по имени-отчеству. Разочаровывать столь уникальную девушку было никак нельзя, и он нежно обнял ее за талию, расположенную неудобно высоко, так что рука спустилась пониже сама собой, без особых намерений. Намерения не заставили себя ждать, а за ними сам собою запустился убалтывательный режим, ненапряжный, на автомате. Моделька смеялась, вокруг кружились другие пары, сцена и фуршетные столы, – а потом вдаль мелькнул чернобородый, и Ливанов твердо решил дать-таки сегодня ему по морде. И даже рвался, но моделька с Герштейном удержали, а бородач между тем испарился, возможно, его ни разу и не было здесь.

Потом уже не танцевали, и Сенечка декламировал ужасающие стихи без рифмы – с рифмой было бы, наверное, еще ужаснее, – и у Ливанова снова попросили автограф, и какие-

то мужики странной ориентации встали рядышком, чтобы с ним сфотографироваться, нефиг, сегодня он был твердо намерен узнать, какова в постели двухметровая женщина без проблеска интеллекта в глазах, и убалтывал, убалтывал, убалтывал и, кажется, уже готов был уболтать...

— И зачем мне это счастье в двенадцать ночи? — вздохнула она, внезапно оказавшись Извицкой. — Поезжай домой, Ливанов. Кому ты вообще нужен такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.